

Время и судьбы

*Василий
Гроссман*

Василий Гроссман

**Жизнь
и судьба**

КНИГА 3

Василий Гроссман

**Жизнь
и судьба**

КНИГА 2

Василий Гроссман

**Жизнь
и судьба**

КНИГА 1

Семен Липкин

**Жизнь
и судьба**

Василия
Гроссмана

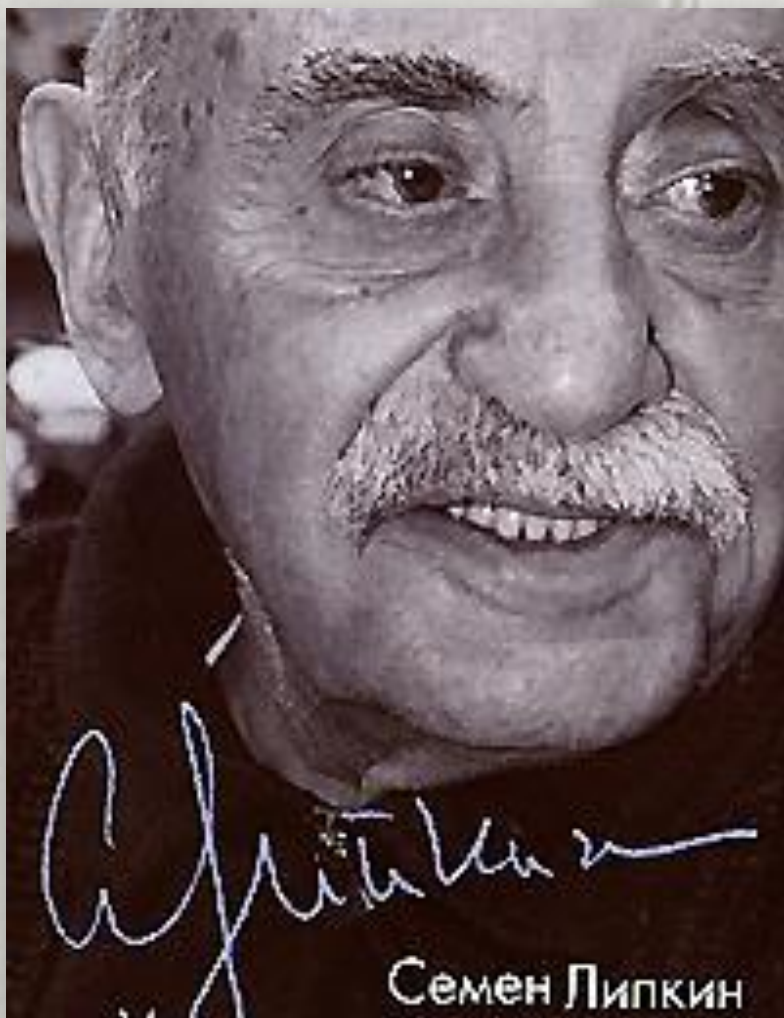
Анна Берзер

ПРОЩАНИЕ

Под одним переплетом соединены две книги воспоминаний. О сложной писательской судьбе и светлой человеческой личности Василия Гроссмана рассказывают знавшие его не одно десятилетие близкий друг, поэт и переводчик *Семен Липкин (Жизнь и судьба Василия Гроссмана. - М. : Книга, 1990. - С. 3-121)* и редактор «Нового мира» *Анна Берзер (Прощание. - М., 1990. - С. 121-270).*

«Среди моих бумаг почему-то оказалась копия следующего документа: АКТ. Мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что шинель специального корреспондента «Красной звезды» тов. подполковника Гроссмана В. С. за три года работы на фронте пришла в состояние полной изношенности... Каждая фраза этого акта по-своему замечательна. «Три года работы на фронте» - именно работы - в дыму, в огне атак, в грязи и снегу бездорожья, в пыли окопов, в крови раненых, в болотной, речной, озерной воде... В то время как его коллеги умудрялись каждый год, а то и два раза в году, одеваться в генеральских пошивочных, шинель Гроссмана «пришла в состояние полной изношенности». Вот в такой, залитой бензином, заляпанной грязью шинели он запомнился мне в Сталинграде».

Так начинаются воспоминания Семена Липкина, первоначально опубликованные в США в 1986 г. под названием «Сталинград Василия Гроссмана». Они познакомились незадолго до войны. «Высокий, кудрявый, черноволосый и синеглазый Гроссман нравился женщинам. Он любил хорошую выпивку и вкусную закуску, а когда смеялся, на щеках его появлялись ямочки. Смеялся он в те годы часто, не то, что потом", — вспоминал Семен Липкин.

Гроссман не знал, что худшее впереди, что его ждут тяжелые испытания. *«В этих записках я хочу, прежде всего, рассказать о некоторых событиях, связанных со сталинградской диалогией «За правое дело» и «Жизнь и судьба»... Мне бы полагалось*

написать не только о том неизмеримо тяжком, что выпало на долю этих романов и свело преждевременно в могилу их создателя, но написать портрет одного из самых крупных русских писателей нашего столетия...» - пишет С. Липкин.

Жизнь

и судьба

КНИГА 1

Жизнь

и судьба

КНИГА 2

Жизнь

и судьба

КНИГА 3

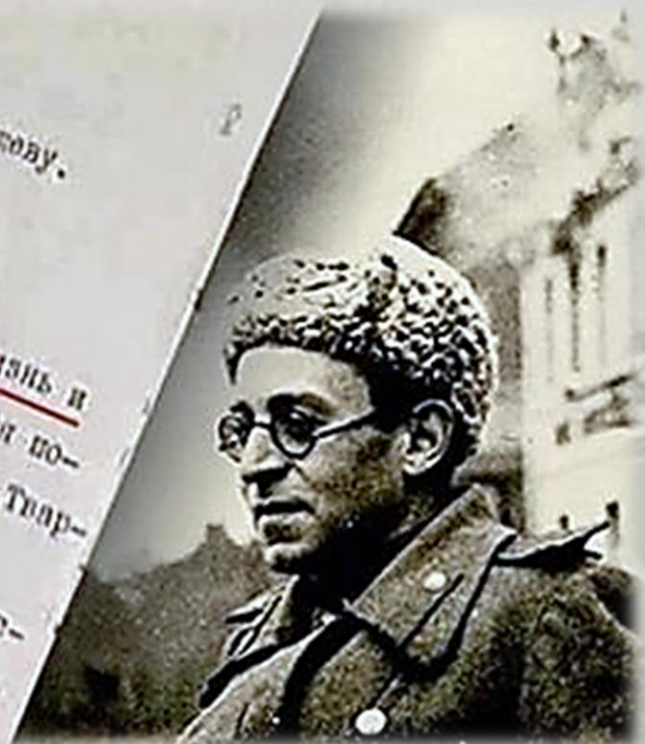
Семен Липкин спас рукопись Василия Гроссмана — его выдающийся роман «Жизнь и судьба», который был изъят КГБ и долго считался вообще утраченным для читателя. Сильно рискуя и проявляя колоссальное мужество, он сохранил эту рукопись. И, когда пришло время, в конце восьмидесятых, донес ее до широчайшего читателя. В его книге «Жизнь и судьба Василия Гроссмана» соединились и мемуары, и литературоведческий анализ.

Василий Гроссман

После операции Гроссман лежал в Боткинской больнице. Ему удалили почку, это было, вероятно, в 1963 году. Рак, но ему сказали — киста. Хирург назвал время, когда появилась опухоль. И буквально совпало оно, время: катастрофа с романом, «изъятие» из жизни живого романа, только что вышедшего из-под пера писателя.

...икита Сергеевичу!

1960 года я отдал рукопись моего романа "Жизнь и судьба" журнала "Знамя". Примерно в то же время по-
романом редактор журнала "Новый Мир" А.Т.Твар-
...раля 1961 года, сотрудники Комитета Государс-
та, предъявив мне ордер на обыск, изъяли ос-
копировки и черновики рукописи "Жизнь и
рукопись была изъята из редакции"
... мой обращение

Василий Гроссман

КНИГА 2

Василий Гроссман

КНИГА 3

Об этом рассказывает А. С. Берзер. Анна Самойловна Берзер – известный литературный критик и редактор прозы. Двенадцать лет она проработала в «Новом мире» Твардовского. То, что она сделала в отмеренный ей срок: вовремя разглядела, извлекла из потока рукописей, рвущихся в редакцию, подготовила, «пробила» и дала устоять на страницах журнала, который Твардовский сделал флагманом литературы, — это целый этап российской словесности.

Анна Самойловна Берзер, Ася из "Нового мира", так ее звали шестидесятники. Это она приняла у лагерника Домбровского рукопись "Хранителя древностей", отредактировала, сумела пробить сквозь так называемый "второй этаж", редколлегию "Нового мира", а потом сквозь Главлит. Это ей Раиса Орлова принесла "Один день Ивана Денисовича", и Ася поднялась к Твардовскому и заставила его прочесть.

КНИГА 1

КНИГА 2

КНИГА 3

Это с Берзер говорил начинающий автор, строитель Войнович, пришедший с улицы со своей папкой: "Прочтите только первые десять страниц. Если вам не понравится, я больше не появлюсь". Напор, видимо, был велик, силу Войновича мы теперь уже знаем, и Анна Самойловна сдалась.

Сказать, что ее боготворили, можно. Можно также сказать, что ее обожали. "Новый мир" тех времен был центром притяжения, сюда стекались писатели отовсюду. Можно сказать, что многие писали для "Нового мира", ради права прийти сюда с рукописью к Анне Самойловне. Ради счастья услышать, что она скажет. Асю уволили в 1972 году.

Она умерла двадцать три года спустя, успев сделать многое, в том числе, сохранить и опубликовать считавшийся утерянным роман Гроссмана "Жизнь и судьба". «Я только что поступила на работу в редакцию «Литературной газеты» - после института и войны, не зная, что ждет меня впереди. И вдруг меня

посылают к Гроссману, чтобы взять «интервью». Хотя тогда у нас не было этого названия. Поговорить и записать... Я так волновалась, когда звонила, шла к нему и потом сидела у него, что запомнила только его тесно заставленную комнату, синие его глаза и голос — голос я запомнила навсегда» - пишет в своих воспоминаниях А. Берзер.

... Копеечная пенсия, угроза слепоты, постепенная пустота вокруг, удивительная гордость, отказ от каких бы то ни было приработков — так она и жила.

Последние строчки из воспоминаний А. Берзер: «Мои разрозненные старые записи 1964 года, сделанные уже после его смерти, заканчиваются словами, которые мне бы очень хотелось привести здесь: Неужели его забудут, так и не узнав?»

Для того, чтобы понять, кто такой Василий Гроссман, какой он человек, писатель и были написаны эти мемуары. Чтобы не забыли, чтобы знали...

